

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-30-42

Научная статья / Research article

Евразийство, ЕАЭС и многополярность: оценки зарубежных экспертов

С.В. Базавлук¹, К.П. Курылев¹, Л.В. Савин²

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Фонд мониторинга и прогнозирования развития культурно-территориальных пространств,
Москва, Российская Федерация

✉ bazavluk-sv@rudn.ru

Аннотация. Евразийство в его различных интерпретациях, от идеологии до реализации программ Евразийского экономического союза (ЕАЭС), расценивается как одна из стратегий по созданию многополярного мироустройства. В статье анализируются взгляды и оценки зарубежных авторов в отношении взаимосвязи евразийства и ЕАЭС в контексте изменений, происходящих в мировой политической системе. Авторами показаны как критические взгляды, так и попытки определения места и роли евразийской интеграции в политических и экономических взаимосвязях с другими странами и объединениями (Китаем, Вьетнамом, Европейским союзом (ЕС), Латинской Америкой). Выявлены основные тенденции в оценках евразийства и евразийской интеграции, которые можно разделить на три группы. К первой относятся негативные оценки — от характеристик евразийства и ЕАЭС как угрозы для ЕС, США и Запада до намеренной дезинформации в отношении евразийской идеологии, в частности евразийства как «парафашизма». Ко второй — более прагматичный и взвешенный взгляд с уклоном в экономическое взаимодействие, что предполагает как сотрудничество с ЕАЭС и принятие евразийской интеграции на определенных правилах, так и отказ от подобной кооперации со стороны западных стран. Третью группу составляют положительные оценки, в которых отмечается необходимость более интенсивного взаимодействия между ЕАЭС и китайским проектом «Пояса и пути». Как правило, такой позиции придерживаются китайские и некоторые российские авторы. Нероссийские концепции евразийства, получившие распространение, например, в Казахстане и Турции, представляются как модели, которые идеологически близки к классическому евразийству и проекту ЕАЭС, хотя имеют собственные национальные формулировки. Приводятся примеры межрегионального сотрудничества ЕАЭС, осуществляемого на опыте работы БРИКС по принципу «аутрич», то есть формирования дополнительных измерений в различных форматах взаимодействия. В большинстве случаев оценка евразийской интеграции и предложений по сотрудничеству со стороны иностранных авторов напрямую относится к внешней политике Российской Федерации. Часто между ЕАЭС, евразийством и национальной политикой России находят взаимосвязи и общие основополагающие элементы, что подчеркивает российскую идентичность в качестве самобытной цивилизации. В статье также отражены замечания отечественных авторов по вопросу взаимодействия ЕАЭС и ЕС. Применяется метод сравнительного анализа источников по исследуемой теме.

Ключевые слова: евразийство, ЕАЭС, Евразия, многополярность, внешняя политика, международные отношения

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00165).

© Базавлук С.В., Курылев К.П., Савин Л.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Базавлук С. В., Курьлев К. П., Савин Л. В. Евразийство, ЕАЭС и многополярность: оценки зарубежных экспертов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 30—42. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-30-42>

Eurasianism, Eurasian Economic Union and Multipolarity: Assessments of Foreign Experts

Sergei V. Bazavluk¹ , Konstantin P. Kurylev¹ , Leonid V. Savin²

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

²Fund for Monitoring and Forecasting the Development of Cultural and Territorial Spaces,

Moscow, Russian Federation

 bazavluk-sv@rudn.ru

Abstract. Eurasianism, in its various interpretations, from ideology to the implementation of the Eurasian Economic Union (EAEU) programs, is regarded as one of the strategies of creating a multipolar world order. This article analyzes the views and assessments of foreign authors regarding the relationship between Eurasianism and the EAEU amid the changing international context. The authors present both critical and positive opinions on Eurasianism, Eurasian integration and its political and economic interlinkages with other countries and associations (China, Vietnam, the European Union (EU), Latin America). Thus, we identify three main lines of assessments on Eurasianism and Eurasian integration. The first includes negative assessments ranging from characterizing Eurasianism and the EAEU as a threat to the EU, the US, and the West in general to deliberate misinformation about the Eurasian ideology, for instance, denoting Eurasianism as “parafascism.” The second comprises more pragmatic and balanced views, with an emphasis on economic cooperation, which may imply cooperation with the EAEU and acceptance of the Eurasian integration if specific conditions are met, or cessation of such cooperation. The third group includes positive assessments and emphasizes the need for more intensive interaction between the EAEU and the Chinese Belt and Road Initiative. Such views are generally held by Russian and Chinese authors. Non-Russian conceptions of Eurasianism that gained popularity in Turkey or Kazakhstan are ideologically close to the classic Eurasianism and the EAEU, although these conceptions take a distinctive national shape. The article provides some examples of interregional cooperation promoted by the EAEU within the BRICS under the “outreach” model, i.e., adding new dimensions to existing cooperation formats. The authors arrive at a conclusion that most often the assessments of Eurasian integration and cooperation proposals by foreign experts are tied to Russian foreign policy (or experts’ opinion of it). They often find interconnections between EAEU, Eurasianism and Russian policy, which emphasize Russian identity as a marker of distinctive civilization. The article also notes comments of Russian authors on the EAEU — EU relations. The research is based on comparative analysis of analytical and research publications on the subject.

Key words: Eurasianism, EAEU, Eurasia, multipolarity, foreign policy, international relations

Acknowledgements: The article has been supported by a grant of the Russian Science Foundation. Project No. 19-18-00165.

For citation: Bazavluk, S. V., Kurylev, K. P., & Savin, L. V. (2022). Eurasianism, Eurasian Economic Union and multipolarity: Assessments of foreign experts. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 30—42. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-30-42>

Введение

Между современными тенденциями в изменении внешнеполитических векторов России, процессом евразийской интеграции и акцентом на формирование многополярного мира существует определенная взаимосвязь, которая отражается как во внутриполитических дебатах и экспертном анализе, так и критических оценках, в том числе со стороны

зарубежных авторов. Эти взаимосвязанные тенденции демонстрируют пока еще не полностью осмысленные и отраженные в дискурсе политические процессы на постсоветском пространстве, а также вызывают определенную реакцию за рубежом.

В статье рассматриваются оценки иностранных авторов, представляющих различные школы и страны. Для этого авторами используется метод сравнительного анализа.

В настоящее время есть несколько точек зрения в отношении евразийской интеграции. На Западе четко прослеживается несколько основных линий:

1) увязывание классического евразийства и его современной интерпретации с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС);

2) оценка ЕАЭС как некоего конкурентного экономического проекта, который может угрожать интересам как Европейского союза (ЕС), так и США;

3) попытки объективно рассмотреть взаимосвязи между внешней политикой России, евразийской интеграцией и глобальными геополитическими изменениями.

Что касается оценок аналитиков и исследователей из КНР, то, как правило, это размышления о том, что ЕАЭС и инициатива «Пояс и путь» взаимно дополняют друг друга. В том же свете обычно рассматривают и проект «Большой Евразии», или Большого евразийского партнерства. Существуют и более широкие точки зрения, выходящие за рамки отдельных проектов. Например, дипломат из Шри-Ланки Д. Джаятиллека считает, что для евразийской геополитики, которую проводит Россия, наиболее осуществимым является «распространение примаковской концепции “многовекторности” на область идеологии и эволюция мягкой силы, которая действительно является многовекторной: справа, слева и в центре... Только так Россия сможет заново осознать свою роль авангарда нового исторического проекта, несущего в себе новый синтез идей и ценностей»¹.

Этот спектр мнений и замечаний важен, поскольку позволяет лучше понять как ожидания и реакцию, так и методы противодействия евразийской интеграции, которые исходят от стран ЕС и США.

В первом подразделе статьи авторами будут рассмотрены взгляды зарубежных авторов в отношении евразийской идеологии (евразийства), затем мы перейдем к различным аспектам евразийской интеграции.

¹ Jayatileka D. Toward a New Eurasian Geopolitics // Global-e Journal. 2019 (September 12). Vol. 12, no. 39. URL: <https://globalejournal.org/global-e/september-2019/toward-new-eurasian-geopolitics> (accessed: 29.08.2021).

Евразийство

Необходимо отметить, что, даже говоря о Евразии как о политико-географической реальности, «некоторые исследователи используют данный термин как для обозначения России и новых независимых государств, так и для обозначения этих государств без включения России» (Базавлук, 2018). Аналогичный подход можно обнаружить и в отношении евразийства.

По версии М. Ларуэль, гибкость евразийства как идеологии объясняет его популярность, разнообразие и широту охвата. По ее мнению, евразийство — это политическая доктрина в строгом смысле этого слова — теория нации и этноса, альтер-глобалистская философия истории, новая прагматическая формулировка «советизма», замена глобальных объяснительных схем марксизма-ленинизма, набор экспансионистских геополитических принципов для России и многое другое. Евразийство часто претендует на роль науки, причем представление о России в ней не зависит от личных соображений, а представляет собой методичный и объективный анализ российских интересов. Успех и популярность евразийства связаны с его приверженностью созданию новых академических дисциплин, таких как геополитика, культурология, конфликтология, этнопсихология и др. (Laruelle, 2008).

Теоретические предпосылки евразийства М. Ларуэль определила как:

1) отказ от Европы, Запада и капитализма через критику «атлантистского» господства, которое, как считается, несет катастрофические последствия для остального человечества;

2) утверждение культурного единства и общей исторической судьбы русских и нерусских народов России, бывшего Советского Союза и части Азии;

3) идею о том, что центральное географическое положение этого евразийского пространства естественно и неизбежно влечет за собой имперскую форму политической организации, а любое отделение обречено на провал, что не оставляет новым независимым государствам иного выбора, кроме как вернуться к единому политическому образованию;

4) веру в существование культурных констант, которые объясняют более глубокий смысл современных политических событий (Laruelle, 2008; 2020).

Однако, суммируя различные доктрины, отрефлексированные через русскую культуру, Ларуэль называет евразийство парафашизмом, поскольку, по ее мнению, это «крайнее проявление веры в Россию как стержень Евразии» (Laruelle, 2020, p. 111).

Многие западные авторы сфокусировались на теоретических работах А.Г. Дугина, увидев в них связующее звено между классическим евразийством и интеграцией в рамках ЕАЭС². Отдельными авторами указывалось, что «влияние Дугина на российскую геополитику и военную стратегию самоочевидно, хотя и спорно, насколько Путин верит в основополагающие теории, лежащие в основе идеологии Дугина... Ясно, что российское правительство взяло его “Основы геополитики” за основу своей внешней политики»³. Другие склонны упрощать евразийство и видеть в нем исключительно антизападную риторику. По этой причине возникает убеждение, что «в евразийстве есть доля истины, достаточная, чтобы сделать его убедительным для некоторых. В целом, однако, это безумная теория, основанная на некоторых довольно странных и явно ложных идеях примерно столетней давности»⁴.

Исследователь из Пенсильвании М.Р. Джонсон, специализирующийся на русской истории, отмечает: «Шокирующее невежество американских интеллектуалов, пытающихся

разобраться в евразийских концепциях, которых они не понимают, подчеркивает основные опасения Дугина. У США нет понятийного аппарата, чтобы должным образом понять всеобъемлющую онтологию евразийства. Западные и прозападные авторы, такие как Джин Вейт, Дуг Сандерс, Антон Барбашин, Ханна Говерн и Антон Шеховцов, демонстрируют ужасающее невежество, порожденное двумя вещами: во-первых, полным отсутствием у них интеллектуальной подготовки к пониманию онтологии и метафизики Дугина или кого-либо еще за исключением западного мейнстрима, и, во-вторых, что не менее важно, тем фактом, что немногие из их читателей обладают большими знаниями. Последняя проблема проявляется повсеместно и позволяет вышеперечисленным писать так, как им заблагорассудится. Это одновременно освобождает их от необходимости реального понимания и изолирует от серьезной критики»⁵.

В США также считают, что «понимание евразийского видения, которое вдохновляет российских лидеров, позволит нам принять рациональный подход к борьбе с противником, цели которого проистекают из иррациональной и опасной идеологии... В “многополярном” мире после НАТО, где американская мощь и рычаги влияния значительно уменьшены, евразийцы, которые управляют российской внешней политикой, подпитываемые их фашистской ненавистью к свободе, будут на протяжении долгого времени угрожать и подрывать американские интересы и глобальную стабильность»⁶. Несмотря на открытые дискурсивные стигмы, используемые для дискредитации евразийства, М.Р. Джонсон, тем не менее, не скрывает, что сочетание и наступление многополярного мира представляют угрозу американским интересам.

Все это, однако, не отменяет скоординированных действий по дискредитации как

² См.: Barbashin A., Thoburn H. Putin’s Brain. Alexander Dugin and the Philosophy behind Putin’s Invasion of Crimea // *Foreign Affairs*. March 31, 2014. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-03-31/putins-brain> (accessed: 04.08.2021); Gilbert J. Aleksandr Dugin Wants to See a Return to Russian Imperialism // *Vice*. April 28, 2014. URL: <https://www.vice.com/en/article/3b7a93/aleksandr-dugin-russian-expansionism> (accessed: 04.08.2021).

³ MacCormac S. Aleksandr Dugin: Putin’s Rasputin? // Center for Security Policy. March 4, 2015. URL: <https://centerforsecuritypolicy.org/aleksandr-dugin-putins-rasputin/> (accessed: 22.08.2021).

⁴ Robinson P. Crackpoint Theories: Eurasianism // *Irrussianity*. September 30, 2014. URL: <https://irussianity.wordpress.com/2014/09/30/crackpot-theories-urasianism/> (accessed: 17.08.2021).

⁵ Johnson M. R. Russian Nationalism and Eurasianism: The Ideology of Russian Regional Power and the Rejection of Western Values // *Rusjournal.org*. URL: <https://www.rusjournal.org/wp-content/uploads/2016/02/Eurasianism.pdf> (accessed: 30.06.2021).

⁶ Rice-Cameron J. Eurasianism is the New Fascism: Understanding and Confronting Russia // *Stanford Politics*. February 2, 2017. URL: <https://stanfordpolitics.org/2017/02/02/eurasianism-new-fascism/> (accessed: 25.07.2021).

евразийства, так и ЕАЭС со стороны Запада. Плоды указанного невежества могут в дальнейшем эксплуатироваться как в западных СМИ, так и в качестве обоснования при подготовке научных текстов.

Так, в специальном докладе Freedom House за 2020 г. можно обнаружить манипулирование нарративом в отношении терминов «Евразия» и «евразийский», поскольку доклад посвящен деятельности различных политических группировок на постсоветском пространстве. При этом большинство из них проявляли антироссийские настроения и выступали против ЕАЭС. Указано, что «в Евразии также все более заметна активность ультраправых группировок. Эти антилиберальные, антиглобалистские, радикальные националистические группы поддерживают возвращение к тому, что они называют “традиционными” ценностями и идеалом “чистого” национального государства, и часто поддерживают насилие или его угрозу в качестве приемлемой тактики для продвижения этого видения»⁷.

В западной прессе и академической политологической среде начиная с 2014 г. подвергается активной критике евразийство в целом, будь то его классическая версия или какие-то аспекты, связанные с текущей евразийской интеграцией. Здесь явно прослеживается связь с референдумом в Крыму и усилиями по фальсификации любых сведений, относящихся к руководству России⁸. Например, в одной публикации наряду с салафизмом, хиндутвой, великоханьским шовинизмом, анархо-примитивизмом и движением за универсальный базовый доход евразийство упомянуто в числе десяти наиболее невнятных идеологий. При этом в описании евразийства смешаны классическое евразийство, национал-большевизм, нео-

⁷ Gordon A. A New Eurasian Far Right Rising. Reflections on Ukraine, Georgia, and Armenia // Freedom House. 2020. URL: <https://freedomhouse.org/report/special-report/2020/new-eurasian-far-right-rising> (accessed: 17.08.2021).

⁸ Busygina I., Filippov M. Russia and the Eurasian Economic Union: Conflicting Incentives for an Institutional Compromise. WP BRP 31/IR/2018 // National Research University Higher School of Economics. 2018. URL: <https://wp.hse.ru/data/2018/12/10/1145002418/31IR2018.pdf> (accessed: 30.01.2022).

евразийство А.Г. Дугина, Таможенный союз и евразийская интеграция⁹.

Показательной является публикация американского историка Т. Фокса на сайте американского Института современной войны. Он указывает, что «концепция евразийства продолжает рассматривать регион в историческом контексте, аргументируя это тем, что из-за их общего исторического опыта у стран региона “общая судьба”... Связь с историей является недостаточно изученным, но непропорционально важным элементом эффективности России в информационных операциях и “гибридной войне”. Это (апелляции к общему историческому прошлому. — Прим. авт.) позволило России создать эффективные нарративы для региона и лежит в основе недавних российских усилий по всему региону, “направленных на развитие сотрудничества в области распространения информации за рубежом в целях привлечения внимания к российской истории... и пропаганду достижений в области военно-исторических исследований, воспитания патриотизма и сохранения военно-исторического наследия России в других странах” ...Нарративы — это главный инструмент достижения российских целей»¹⁰.

Таким образом, евразийская идеология рассматривается как один из ключевых элементов информационной войны, которую, по мнению автора, ведет Россия. Такого рода оценки далеко не единичны в среде американских военных. Так, в докладе о возможных геополитических изменениях после пандемии коронавируса, подготовленном ВВС США, в сценарии под названием «системный коллапс» упоминается активность ЕАЭС в одном контексте с китайской инициативой «Пояса и пути»¹¹.

⁹ Tormsen D. 10 Obscure Ideologies Influencing The World Today // Listverse. March 29, 2015. URL: <https://listverse.com/2015/03/29/10-obscure-ideologies-influencing-the-world-today/> (accessed: 17.08.2021).

¹⁰ Fox T. Eurasianism, History, and the Narrative Space: Why Russian Information Operations Are so Effective // Modern War Institute. December 3, 2018. URL: <https://mwi.usma.edu/eurasianism-history-narrative-space-russian-information-operations-effective/> (accessed: 26.08.2021).

¹¹ U.S. Air Force Global Futures Report: Alternative Futures of Geopolitical Competition in a Post-COVID-19

Бывший высокопоставленный сотрудник ЦРУ в своей публикации указывал, что «значение термина “евразийский” сильно изменилось, но оно по-прежнему предполагает стратегическое соперничество... Короче говоря, новое евразийство больше не связано с сухопутной и морской мощью XIX в. Это признание того, что эпоха западного (и особенно американского) глобального господства закончилась. Вашингтон больше не может поддерживать и позволить себе обеспечивать долгосрочное доминирование в Евразии. С экономической точки зрения ни одно государство в регионе, включая Турцию, не настолько неразумно, чтобы игнорировать рост “евразийского” потенциала, также предоставляющего стратегический баланс и экономические возможности... Чем больше Вашингтон будет пытаться сдержать или задушить евразийство как подлинную растущую силу, тем сильнее будет решимость государств стать частью этого растущего евразийского мира, даже не отвергая Запад. Все страны хотели бы иметь альтернативы. Им не нравится быть обязанными одной мировой державе, которая пытается ими командовать... Было бы недальновидно со стороны Вашингтона продолжать сосредотачивать внимание на расширении военных союзов, в то время как большая часть остального мира стремится к процветанию и росту регионального влияния»¹².

Более рационально ту же идею высказывает научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований (CSIS) Дж. Манкофф, отмечая, что «у Соединенных Штатов есть основания для беспокойства. Экономическая и политическая логика углубления интеграции на части постсоветского пространства довольно сильна, так как региональные объединения способствуют укреплению слабых экономик, особенно в Централь-

ной Азии. Однако такая интеграция, инициируемая Россией, несет угрозу иного рода — усиление зависимости соседних государств от России, что угрожает не только их развитию, но и самостоятельности в проведении внешней политики»¹³. При этом американский эксперт подчеркивает, что интеграционные тенденции на Евразийском континенте вполне укладываются в общемировые закономерности: «Самым значительным преимуществом создания нового Евразийского союза станет возникновение огромного единого рынка и устранение барьеров для перемещения товаров и людей. Рабочим мигрантам из Центральной Азии будет проще ездить в Россию на заработки и на законных основаниях отправлять домой заработанные средства»¹⁴.

П. Стронски и Р. Соколски из Фонда Карнеги сравнивают роли ЕАЭС, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и БРИКС в качестве международных организаций, которые на практике содействуют реализации устремлений России к многополярности. Они пишут, что «Россия продолжает использовать совокупность методов принуждения и экономических стимулов, чтобы побудить своих соседей присоединиться, а нынешних членов остаться в организации... Значение БРИКС и ШОС для России скорее символическое, чем существенное. Они помогают Кремлю подчеркнуть как внутри страны, так и за рубежом, что Москва сохраняет международный авторитет, что у нее есть дипломатические средства для противодействия расширению западного влияния вокруг своей периферии и усилиям США и Европы по изоляции России и что Россия является глобальной, а не только евразийской или региональной державой. Участие в этих международных организациях и группах также помогает Москве противостоять попыткам Запада дипломатически изолировать Россию после продолжительной серии нарушений (международных норм. — *Прим. авт.*). Россия может быть изолирована от евроатланти-

World // Air Force Warfighting Integration Capability (AFWIC), Strategic Foresight and Futures Branch. June, 2020. P. 10. URL: https://www.afwic.af.mil/Portals/72/Documents/AFWIC%20Global%20Futures%20Report_FINAL.pdf?ver=2020-06-18-124149-070 (accessed: 30.01.2022).

¹² Fuller G. E. What is Eurasianism? // Graham E. Fuller. September 14, 2016. URL: <https://grahamefuller.com/2520-2/> (accessed: 23.07.2021).

¹³ Mankoff J. What a Eurasian Union Means for Washington? // *The National Interest*. April 19, 2012. URL: <https://nationalinterest.org/commentary/what-eurasian-union-means-washington-6821?page=2> (accessed: 24.08.2021).

¹⁴ Ibid.

ческого сообщества, но участие в этих организациях демонстрирует, что Москва не изолирована от остального мира»¹⁵.

Турецкий исследователь Г. Мустафа считает, что фактически концепция евразийства и евразийская политика превратились в государственные идеологии, которые нашли отражение во внутренней, региональной и внешней политике, а также в фундаменте недавнего процесса региональной интеграции. При этом существует несколько версий евразийства. Российская геополитическая концепция евразийства со всеми ее изменениями и модификациями по-прежнему остается очень мощной, доминирующей и живой в историко-культурных, академических, а также национальных политических и идеологических дебатах и дискурсах. Турецкое евразийство — это в основном идея и видение создания содружества тюркских государств, населенных тюркскими народами, включая части России и Центральной Азии. Казахское видение евразийства и создания Евразийского союза на основе евразийской солидарности — это официальная политика (идеология), разработанная, запущенная и реализуемая президентом Республики Казахстан Нурсултаном Назарбаевым, которая принципиально отличается от российской, турецкой и других форм с точки зрения основополагающих целей, задач, методов, направлений и механизмов реализации (Mostafa, 2013).

При всем этом необходимо учитывать, что «евразийство — идеология государственности. Все его геополитические, социокультурные, религиозные и иные аспекты вращаются вокруг проблемы власти» (Исаев, 1994, с. 55). К этому можно добавить его метаполитический феномен, где были объединены «различные идеи и концепции из культуры, религии, философии, гуманитарных наук и естествознания» (Базавлук и др., 2021, с. 60).

¹⁵ Stronski P., Sokolsky R. Multipolarity in Practice: Understanding Russia's Engagement with Regional Institutions // Carnegie Endowment for International Peace. January 8, 2020. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/01/08/multipolarity-in-practice-understanding-russia-s-engagement-with-regional-institutions-pub-80717> (accessed: 17.08.2021).

Евразийская интеграция

Если переходить от евразийской идеологии к практике интеграционных процессов в ЕАЭС, то здесь также видна роль Запада, поскольку «на развитие евразийского регионализма в 2010-е гг. повлияли опасения России по поводу внешних угроз и ее контроля над евразийским пространством» (Libman & Obydenkova, 2020, p. 360).

На начальном этапе евразийской интеграции западное сообщество довольно агрессивно реагировало на процессы, происходящие в России и странах, входящих в Таможенный союз, позже переформатированный в ЕАЭС. В частности, указывалось, что инициативы Москвы на постсоветском пространстве — не что иное, как «очередная попытка России действовать против трансатлантических связей Европы»¹⁶. При этом утверждалось, что «Евразийский союз Путина базируется на модели ЕС и Путин рассматривает Евразийский союз как часть “Большой Европы”, включая общие ценности, такие как свобода, демократия и рыночная экономика»¹⁷. В то же время автор задается вопросом, не может ли Евразийский союз действовать как некая «контр-модель», которую Россия будет использовать для конкуренции с ЕС через интеграцию соседних с Россией стран.

При сравнительном анализе двух интеграционных моделей высказывалось мнение, что ЕАЭС станет неким квазигосударством наподобие того, которое сложилось в странах ЕС на основе Маастрихтского договора и Директивы о правах граждан, представляющих собой фактическую кодификацию ранее существовавшего прецедентного права. Предоставление определенных прав экономически неактивным мигрантам, таким как члены семьи и лица, ищущие работу в странах — членах ЕАЭС, представляется определенным шагом в этом направлении. Предполагается, что при анализе развития квазигосударства до заключения Маастрихтского

¹⁶ Halbach U. Vladimir Putin's Eurasian Union. A New Integration Project for the CIS Region? // German Institute for International and Security Affairs. January, 2012. P. 2. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2012C01_hlb.pdf (accessed: 25.08.2021).

¹⁷ Ibid. P. 4.

соглашения нельзя игнорировать фундаментальную роль, которую сыграл суд, прецедентное право которого в значительной степени способствовало изменениям в ЕС. Следовательно, вопрос состоит в том, сможет ли суд ЕАЭС следовать тем же путем и, опираясь на телеологическую интерпретацию, способствовать постепенному изменению нормативно-процессуальной базы (Pirker & Entin, 2020, p. 530).

Особый интерес западные эксперты проявляли к процессу создания зоны свободной торговли (ЗСТ) ЕАЭС с Вьетнамом. Сама идея зародилась еще до формального создания ЕАЭС, во время визита министра промышленности и торговли Вьетнама в Москву в 2009 г., а на саммите АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012 г. президент России В.В. Путин представил технико-экономическое обоснование такого соглашения¹⁸. По существу, соглашение предусматривало либерализацию 88 % торговли товарами. В октябре 2016 г., когда соглашение вступило в силу, 59 % таможенных пошлин были отменены. «ЕАЭС будет открывать свой рынок для вьетнамского экспорта при снижении средней ставки пошлин с 9,7 до 2 % к 2025 г.»¹⁹.

Такая модель по принципу «аутрич»²⁰ вызывала беспокойство стран Запада по поводу установления влияния России в регионах Азии, Африки и Латинской Америки. В то же время отечественный автор В.С. Изотов предлагает применить модель «аутрич», которая была применена для формата БРИКС (по инициативе ЮАР), уже для евразийской интеграции. Для этого подходит базовый документ, подготовленный в 2018 г., — соглашение «О международных договорах

Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями» (Изотов, 2020, с. 22).

Тем не менее у идеи сотрудничества между ЕС и ЕАЭС также были свои сторонники в Европе. Дискуссии на высшем политическом уровне рассматривали потенциальную сделку как способ достижения мира на Украине. Эта инициатива продвигалась в 2015 г. по мере того, как Служба внешних действий ЕС изучала возможные форматы сотрудничества. Однако в настоящее время ЕС поддерживает только технические связи и контакты с официальными лицами в Комиссии ЕАЭС и учреждениях отдельных государств-членов. Перспективы улучшения отношений или заключения «мегасделки» в ближайшем будущем остаются туманными. В то же время отмечалось, что для ЕС имело бы экономический смысл заключить ЗСТ с ЕАЭС. Обе стороны выиграли бы от общих технических стандартов, уже достигнутых благодаря использованию ЕАЭС европейских шаблонов²¹.

В ЕС также существуют сомнения, является ли либерализация торговли конечной целью России. С момента создания ЕАЭС европейцы рассматривали блок как квазитамозный союз с сомнительной экономической основой, который способствует «региональному протекционизму в противовес открытому регионализму»²². События на Украине также интерпретировались в странах ЕС как проявление Россией большего интереса к геополитике, чем к сотрудничеству, основанному на правилах²³.

²¹ Emerson M. Prospects for ‘Lisbon to Vladivostok’: Limited by a Double Asymmetry of Interests // CEPS. June 12, 2018. URL: <https://www.ceps.eu/publications/prospects-lisbon-vladivostok-limited-double-asymmetry-interests> (accessed: 20.06.2021).

²² Speech by President Barroso at the Russia — European Union — Potential for Partnership conference: “Moving into a Partnership of Choice” // European Commission. March 21, 2013. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_13_249 (accessed: 20.06.2021).

²³ Dragneva R., Delcour L., Jonavicius L. Assessing Legal and Political Compatibility between the EU Engagement Strategies and Membership of the EAEU // EU-STRAT. Working Paper. 2017. No. 07. URL: <http://eu-strat.eu/wp-content/uploads/2018/01/EU-STRAT-Working-Paper-No.7.pdf> (accessed: 30.01.2022).

¹⁸ Владимир Путин принял участие в работе Делового саммита АТЭС // Президент России. 07.09.2012. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/16410 (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁹ Dragneva R. The Eurasian Economic Union: Putin’s Geopolitical Project // Foreign Policy Research Institute. October 15, 2018. P. 14. URL: <https://www.fpri.org/article/2018/10/the-eurasian-economic-union-putins-geopolitical-project/> (accessed: 30.01.2022).

²⁰ Формат «аутрич» (*outreach*) предполагает привлечение к сотрудничеству региональных соседей государства, состоящего в каком-либо объединении. Изначально этот формат начал применяться в рамках БРИКС.

Однако и в адрес ЕС высказывались сомнения о возможности плодотворного сотрудничества с ЕАЭС. Отмечалось, что «если обратиться к современным проблемам ЕС, то они преимущественно связаны с “политикой сибаритства”, когда основные производства выводились в развивающийся мир (особенно в Китай), а раскручивалась идеология бесконтрольного потребления и “жизни в кредит”... Для Евразийского союза одной из первостепенных задач являются вложения в человеческий капитал» (Васильева, Лагутина, 2013, с. 239). В то же время опыт развития ЕС учитывается ЕАЭС (Глазьев, Чушкин, Ткачук, 2013; Суюнчев и др., 2020; Ушкалова, 2017), в том числе и неофункционалистский эффект «перетекания» (Фатыхова, 2019, с. 172).

Встречаются и более умеренные взгляды на возможность сотрудничества между ЕС и ЕАЭС. Так, К. Девоншир-Эллис полагает, что «членам ЕС необходимо урегулировать разногласия с Россией, а также участвовать в разработке соглашений о свободной торговле с членами ЕАЭС и за его пределами, в том числе с Африкой, частями Ближнего Востока, Центральной Азией, Индией и т. д. Статус таких стран, как Азербайджан, Грузия и Украина, а также других с точки зрения возможности доступа к торговому блоку в качестве члена все еще необходимо определить»²⁴. По его мнению, эволюция и развитие Большого Евразийского партнерства уже идет полным ходом и будет иметь значительные последствия для глобальных цепочек поставок. Это создаст новые возможности во всем регионе и окажет серьезное влияние на экономику Китая и России, а затем, по мере вступления в силу обсуждаемых в настоящее время соглашений, на Индию, страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Центральную Азию. Далее последует обновление договоров с Африкой, впоследствии к процессу может подключиться и Европа²⁵.

²⁴ Devonshire-Ellis C. Xi and Putin Place the Greater Eurasian Partnership on the Path to Realization // China Briefing. June 14, 2019. URL: <https://www.china-briefing.com/news/xi-putin-place-greater-eurasian-partnership-path-realization/> (accessed: 15.08.2021).

²⁵ Ibid.

К. Девоншир-Эллис также отмечает, что из-за географического положения каждой из этих стран и блоков объединение в значительной степени неизбежно. При этом «можно ожидать и других изменений. Учитывая санкции и тарифные угрозы со стороны США практически для всех евразийских регионов, нельзя исключать введения системы Евразийского клирингового банка... Также возникнут другие инициативы и идеи для того, чтобы дополнить, поддержать и развить то, что происходит. Это захватывающее время для компаний, чтобы подготовиться к появлению нового динамичного торгового блока — евразийского сухопутного массива»²⁶.

В целом изменения на евразийском пространстве сами по себе обуславливают участие Китая во многих аспектах евразийского процесса, при этом Китаю все чаще приходится возглавлять региональные преобразования и формировать ключевые партнерские отношения (Ferguson, 2018). Поскольку в 2000-е гг. произошел сдвиг в мышлении о многополярности, Китай и Россия стали ядром конкурирующего с США порядка, способного оказывать как военное, так и экономическое влияние в соседних областях с оттенком идеологической дистанции. Г. Розман предполагает, что «Китай в лучшем случае будет время от времени на словах говорить о многополярности, а Россия стремится сохранить ее видимость, основанную на ее собственных предполагаемых возможностях, иллюзии ценности ЕАЭС и смутных надеждах на расширение ШОС»²⁷.

Геополитический подход и контекст многополярности

Следует резюмировать, что западный взгляд на ЕАЭС и евразийство выходит за рамки экономического анализа. Евразийскую интеграцию рассматривают как один из элементов региональной политики России, где немаловажными аспектами являются и

²⁶ Ibid.

²⁷ Rozman G. Multipolarity versus Sinocentrism: Chinese and Russian Worldviews and Relations // The Asan Forum. 2020. URL: <https://theasanforum.org/multipolarity-versus-sinocentrism-chinese-and-russian-worldviews-and-relations/> (accessed: 04.08.2021).

вопросы безопасности. В докладе RAND под названием «Большая стратегия России. Риторика и реальность» говорится, что «в российских документах показано намерение содействовать Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) и другим региональным структурам в целях поддержания регионального влияния и соблюдения соглашений о сотрудничестве в области взаимной обороны и безопасности со своими региональными союзниками»²⁸. В RAND ссылаются на интерес России к динамическому сотрудничеству с новыми центрами силы, такими как Индия, Китай, Бразилия, АСЕАН и страны Персидского залива²⁹.

В предложенной модели региональных взаимоотношений, построенной на триаде из безопасности, экономики и лидерства для России, ЕАЭС полностью занимает сектор экономики. В такой конфигурации затрагиваются и вопросы безопасности, поскольку все члены ЕАЭС входят в состав Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В самом исследовании постсоветское пространство фактически приравнивается к Евразии.

Поскольку в тексте упомянуты государства и объединения за пределами Евразии, такая постановка вопроса дает повод предположить, что в США увязывают евразийскую интеграцию, ограниченную постсоветским пространством, с более широкими интересами России, в том числе попытками установления многополярного мироустройства.

В одной из недавних работ по теме морских коммуникаций вокруг Евразии открыто указывалось, что изменение роли и статуса ведущих евразийских акторов приведет к изменению баланса сил на глобальном уровне. Отмечалось, что «на нас надвигается геополитический и экономический сдвиг, проявляющийся в различных морских регионах Евразии. Евразийские державы, включая Рос-

сию, Китай и Индию, все шире используют свою морскую географию, стремясь укрепить свою развивающуюся экономику, расширить свои возможности по прогнозированию военной мощи для защиты стратегических национальных интересов и усилить свое глобальное влияние... Эта меняющаяся динамика уже начала трансформировать модели морской торговли и инвестиций, а следовательно, и глобальную политическую экономику. Это также создает растущую угрозу нынешнему статус-кво мирового порядка, в котором долгое время доминировал Атлантический мир, в частности Соединенные Штаты» (*Eurasia's Maritime Rise and Global Security...*, 2018, p. 1).

Особый интерес представляют оценки западных авторов, которые носят позитивные коннотации. Так, в одном из исследований корпорации RAND от 2019 г. указано следующее: «В идеале может быть реализовано видение от Лиссабона до Владивостока, то есть общее экономическое пространство, охватывающее ЕС, ЕАЭС и промежуточные государства... Важно начать с понимания того, какие договоренности возможны и невозможны для промежуточных государств... В более широком смысле государства, не являющиеся членами (этих организаций. — *Прим. авт.*), могут устанавливать более тесные экономические отношения с обоими блоками. И сами блоки могут договориться о взаимоприемлемых договоренностях... Наше предложение предоставляет возможность промежуточным государствам извлекать выгоду из торговли с обоими блоками, а не полностью переходить на сторону одного из них и терять связь с другим. Такое развитие событий позволило бы промежуточным государствам добиться роста уровня благосостояния и стабильности. Это также помогло бы им развивать сотрудничество как с ЕС, так и с Россией и ЕАЭС, а не оппортунистически демонстрировать лояльность той или иной стороне и получать экономические выгоды в качестве вознаграждения»³⁰. При этом у авто-

²⁸ Charap S., Massicot D., Priebe M., Demus A., Reach C., Stalczyński M., Han E., Davis L. *Russian Grand Strategy. Rhetoric and Reality* // RAND Corporation. 2021. P. 22. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR4200/RR4238/RAND_RR4238 synopsis.pdf (accessed: 30.01.2022).

²⁹ Ibid.

³⁰ Charap S., Shapiro J., Drennan J., Chalyi O., Krumm R., Nikitina Y., Sasse G. *A Consensus Proposal for a Revised Regional Order in post-Soviet Europe and Eurasia* // RAND Corporation. 2019. P. 43. URL:

ров остается понимание геополитического дуализма. Годом ранее они же в отношении Евразии отмечали, что «региональный порядок определяется существованием двух конкурирующих наборов институтов или даже блоков: Западного или евроатлантического НАТО и ЕС, с одной стороны, и Евразийской или возглавляемой Россией ОДКБ и ЕАЭС — с другой»³¹.

Авторы из RAND в отношении диалога России с Западом констатировали, что накопилось много проблем, однако «существуют альтернативные пути. Предлагаемые детали подлежат обсуждению, но на данный момент именно отсутствие дискуссий и обсуждения этого вопроса является главной проблемой для поиска взаимоприемлемого пути вперед»³².

В данном отношении вполне своевременными видятся замечания российских ученых, которые ранее отмечали, что «в условиях отсутствия развитой концептуальной базы неоевразийской интеграции представляется принципиально важным активное обсуждение положительных и отрицательных сторон нового проекта представителями различных научных сообществ. Именно в этих спорах и происходит накопление научной аргументации и аналитических выкладок относительно проекта Евразийского союза, что может стать теоретической основой формирования стратегии неоевразийской интеграции. Инновационность данной темы заключается в том, что совершенно в ином ключе представляются классические евразийские идеи. Их современное звучание определяется не идеологией противопоставления Запада Востоку, а прагматической идеей объединения разрозненных частей Евразии в единое пространство глобального региона» (Васильева, Лагутина, 2013, с. 230).

Аналогичную проблему между тем можно обнаружить и в концепции «Большой Евразии», поскольку само это понятие вошло в научный и политический лексикон сравнительно недавно и интенсивно наполняется

новым содержанием, требующим всестороннего осмысления (Кефели, Шевченко, 2018). Например, «Большая Евразия» может вызывать ассоциации как в отношении сотрудничества ЕС и России, так и взаимодействия ЕС и ЕАЭС (Tsvyk, 2018).

Китайский взгляд на евразийскую интеграцию в качестве российской внешнеполитической стратегии шире усилий по установлению многополярности и заметно отличается от западной точки зрения. Так, Ли Ёнкань указывает, что развитие России и ЕАЭС неотделимо от развития мировой экономики. По его мнению, Россия не может смириться с реальностью, в которой она исключена из процесса разработки правил международной торговли, поэтому Большое Евразийское партнерство является новым подходом к внешней политике, который разрушает традиционные концепции, придающие значение только отношениям с США и Западом. Он считает, что сопряжение стратегий развития России и Китая имеет решающее значение не только для построения Евразийского экономического партнерства, но и для будущих перспектив этой организации (Yongquan, 2018).

Китайский исследователь также учитывает возможные риски и отмечает: Россия обеспокоена тем, что экономика Китая может навредить интеграции процессов ЕАЭС и что конкурентоспособность китайских товаров может оказать сильное внешнее давление на экономику ЕАЭС. Кроме того, изменения в ШОС могут отрицательно отразиться на эффективности механизмов многостороннего сотрудничества и консультаций в рамках этой организации. Тем не менее, он считает, что вполне реально связать Большое Евразийское партнерство с инициативой «Пояс и путь». Политические и экономические отношения Китая со странами ЕАЭС, уровень практического сотрудничества Китая со странами АСЕАН и тесное сотрудничество между Россией и государствами — членами АСЕАН дают основания быть уверенными в том, что у сопряжения инициативы «Пояс и путь» и Евразийского партнерства есть будущее. Более того, российско-китайские переговоры по Евразийскому экономическому партнерству являются важнейшим звеном в этом процессе (Yongquan, 2018, pp. 97—98).

https://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF410.html (accessed: 30.01.2022).

³¹ Charap S., Shapiro J., Demus A. Rethinking the Regional Order for post-Soviet Europe and Eurasia // RAND Corporation. 2018. P. 6. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE297.html> (accessed: 30.01.2022).

³² Ibid. P. 33.

Вместе с тем и западные авторы, анализируя российско-китайское сотрудничество, отмечают, что оно может привести к глобальным, а не только региональным изменениям. «Евразия обладает большей частью мировых богатств, ресурсов и населения, но при этом имеет очень низкую экономическую связанность. Китайско-российское партнерство может коллективно создать гравитационное притяжение, которое позволит им захватить геоэкономические рычаги власти, создав альтернативу западнцентричной модели»³³. Соответственно, акцент на многополярности дополняет видение Большого евразийского партнерства как уникального межцивилизационного мегапроекта (Яковец, 2018). Похожего мнения придерживаются исследователи из Латинской Америки, которые также видят евразийскую интеграцию неотъемлемой частью движения к многополярности (Serbin, 2020).

Заключение

Подводя итоги, можно сделать ряд выводов. Китай имеет определенный интерес к ЕАЭС, при этом рассматривает российско-китайское сотрудничество как взаимовыгодное партнерство. Хотя существует вероятность превалирования синоцентризма во внешней политике Китая, в целях создания противовеса США и ЕС России выгодно взаимодействовать с Пекином. Многовекторность подхода Москвы, включая стратегию «аутрич», может содействовать достижению внешнеполитических целей России. США и ЕС в большей или меньшей степени будут

рассматривать ЕАЭС как конкурентоспособный проект, вуалируя реалистичные аналитические и экспертные оценки критикой о несостоятельности и чрезмерных геополитических амбициях России. В ЕС и США рассматривают ЕАЭС как возможный полюс многополярного мироустройства, который (в совокупности с ростом китайского могущества) значительно трансформирует глобальную экономическую и политическую систему. При этом ЕАЭС четко осмысливается как конкурирующий геополитический проект, инициированный Россией.

Несмотря на ряд отличий, общие оценки зарубежных экспертов по включению идей евразийства в текущие геополитические процессы сходятся и с мнением российских авторов, которые считают, что «концептуальное решение современной национальной политики России в русле евразийских идей определяет задачу модернизации и интеграции механизмов создания и передачи национальных ментальных парадигм, которые являются традиционными для нашей страны. Это позволит сохранить духовное и этнокультурное единство страны, консолидировать силы на основе общих ценностей и целей, обеспечит независимость и развитие Российского государства в сложных условиях глобализирующегося мира и восстановит утраченный паритет в мировой многополярной структуре» (Замарева, 2016, с. 154).

Вместе с тем позиция российских и зарубежных авторов совпадает в том, что российское евразийство, а также его тюркские варианты (турецкий, казахстанский) и интерес Китая к евразийской интеграции в целом находятся в оппозиции современным западным ценностям и геополитическим проектам.

Поступила в редакцию / Received: 19.09.2021
Доработана после рецензирования / Revised: 11.11.2021
Принята к публикации / Accepted: 21.12.2021

Библиографический список

- Базавлук С. В. Евразийство: терминологическая амбивалентность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18, № 2. С. 273—283. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-2-273-283>
- Базавлук С. В., Курьлев К. П., Савин Л. В., Станис Д. В. Евразийская идеология и политические процессы // Информационные войны. 2021. № 1 (57). С. 59—64.

- Васильева Н. А., Лагутина М. Л. Проект «Евразийский экономический союз» в оценках экспертного сообщества // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2013. Т. 8, № 4. С. 229—242.
- Глазьев С. Ю., Чушкин В. И., Ткачук С. П. Европейский союз и Евразийское экономическое сообщество: сходство и различие процессов интеграционного строительства. Москва : Викор Медиа, 2013.
- Замараева Е. И. Нация и национализм в философии евразийства // Соловьевские исследования. 2016. № 4 (52). С. 150—162.
- Изотов В. С. Региональная интеграция: от классики к постмодерну. Новые форматы сопряжения и аутич-сотрудничества как инструменты архитектуры многополярности // В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС: доклады к XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под науч. ред. Т. А. Мешковой. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. С. 21—29.
- Исаев И. Евразийство: идеология государственности // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 42—55.
- Кефели И. Ф., Шевченко Н. Н. Большая Евразия: цивилизационное пространство, объединительная идеология, проектирование будущего. Санкт-Петербург : ИД «Петрополис», ООО «Геополитика и безопасность», 2018.
- Суюнчев М. М., Репетюк С. В., Файн Б. И., Трезубова Е. А. Разработка подходов к формированию общего электроэнергетического рынка евразийского экономического союза (ЕАЭС). Москва : РАНХиГС, 2020.
- Ушкалова Д. И. Интеграционные модели Евразийского экономического союза и зоны свободной торговли СНГ в контексте мирового опыта // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 6. С. 100—111.
- Фатыхова В. М. Евразийское сотрудничество в области науки и высшего образования: перспективы неофункционального «перетекания» // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2 (65). С. 159—175. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-2-65-159-175>
- Яковец Ю. В. Большое евразийское партнерство — цивилизационный мегапроект // Большое евразийское партнерство: прошлое, настоящее, будущее: избранные труды X Евразийского научного форума. Том первый. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2018. С. 397—408.
- Eurasia's Maritime Rise and Global Security: From the Indian Ocean to Pacific Asia and the Arctic* / ed. by G. Gresh. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-71806-4>
- Ferguson R. J. *China's Eurasian Dilemmas: Roads and Risks for a Sustainable Global Power*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2018.
- Laruelle M. Accusing Russia of Fascism // *Russia in Global Affairs*. 2020. No. 4. P. 100—123. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-4-100-123>
- Laruelle M. *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press, 2008.
- Libman A., Obydenkova A. Global Governance and Eurasian International Organisations: Lessons Learned and Future Agenda // *Post-Communist Economies*. 2020. Vol. 33, no. 2—3. P. 359—377. <https://doi.org/10.1080/14631377.2020.1793587>
- Mostafa G. The Concept of 'Eurasia': Kazakhstan's Eurasian Policy and Its Implications // *Journal of Eurasian Studies*. 2013. Vol. 4, no. 2. P. 160—170. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2013.03.006>
- Pirker B., Entin K. The Free Movement of Persons in the Eurasian Economic Union — between Civis Eurasiaticus and Homo Oeconomicus // *European Citizenship under Stress. Social Justice, Brexit and Other Challenges* / ed. by N. Cambien, D. Kochenov, E. Muir. Leiden : Brill, 2020. P. 508—532. https://doi.org/10.1163/9789004433076_021
- Serbin A. *Eurasia y América Latina en un mundo multipolar*. Barcelona, Buenos Aires : Icaria Editorial — CRIES, 2020.
- Tsvyk A. V. 'Greater Europe or 'Greater Eurasia'? In Search of New Ideas for the Eurasian Integration // *RUDN Journal of Sociology*. 2018. Vol. 18, no. 2. P. 262—270. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-2-262-270>
- Yongquan L. The Greater Eurasian Partnership and the Belt and Road Initiative: Can the Two be Linked? // *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9, no. 2. P. 94—99. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.07.004>

Сведения об авторах: Базавлук Сергей Викторович — старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-9739-2594; e-mail: bazavluk-sv@rudn.ru

Курьлев Константин Петрович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0003-3075-915X; e-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Савин Леонид Владимирович — генеральный директор Фонда мониторинга и прогнозирования развития культурно-территориальных пространств; ORCID: 0000-0002-0109-4200; e-mail: editor@monitorfund.ru